

Гайворонский Игорь Дмитриевич

РОЖДЕНИЕ ОБРАЗА ВЛАСТИ В ЭПОХУ КАРЛА ВЕЛИКОГО

Статья посвящена проблеме рождения образа правителя в Каролингскую эпоху. Анализируя процесс возникновения образа государя в эпоху правления Карла Великого во Франкском королевстве, автор опирается на широкий круг нарративных источников: анналистику, "деяния" и письма, адресованные монархам. Акцентируется внимание на том, как той или иной источник влиял на утверждение в литературе "Каролингского Возрождения" христианского толкования власти, которое франкские интеллектуалы унаследовали со времен империи Константина Великого.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/5-2/8.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (55): в 2-х ч. Ч. II. С. 37-40. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

6. Волков В. В., Гладиллина И. В. Художественный текст в преподавании русского языка как иностранного: учебное пособие / Тверской гос. ун-т. Тверь: Изд-во А. Н. Кондратьева, 2014. 156 с.
7. Дума Патриарха: Патриарх Московский и всея Руси Кирилл впервые выступил в Госдуме [Электронный ресурс] // Российская газета (Федеральный выпуск). 2015. 23 января. URL: <http://www.rg.ru/2015/01/23/patriarkh.html> (дата обращения: 15.02.2015).
8. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М.: Либроком, 2010. 360 с.
9. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 624 с.
10. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М.: Гнозис, 2008. 374 с.
11. Кушнир О. Н. Эволюция русской концептосферы на рубеже XX-XXI веков: вопросы динамической лингвоконцептологии. Сыктывкар: КРАГСиУ, 2012. 347 с.
12. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия «Литература и язык». 1993. № 1. С. 3-9.
13. Лосский Н. О. Характер русского народа // Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. М.: Политиздат, 1991. С. 238-360.
14. Справочник библиографа / науч. ред. А. Н. Ванеев, В. А. Минкина. СПб.: Профессия, 2006. 592 с.
15. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академич. проект, 2001. 990 с.
16. Сукиасян Э. Р. «Библиотечная, библиографическая, научно-информационная деятельность» – новый раздел в таблицах ББК // Научные и технические библиотеки. 2012. № 3. С. 34-53.
17. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дисс. ... д. филол. н. Волгоград, 2000. 440 с.
18. Шуталева А. В., Путилова Е. А. Со-бытие чтения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (50): в 3-х ч. Ч. 3. С. 202-204.

LIBRARY-BIBLIOGRAPHIC CLASSIFICATION AS CULTUROLOGICAL FOUNDATION FOR SYSTEMATIZATION OF THE RUSSIAN CONCEPTUAL SPHERE

Volkov Valerii Vyacheslavovich, Doctor in Philology, Professor
Volkova Natal'ya Vasil'evna, Ph. D. in Philology
Tver State University
Volk7Valery@yandex.ru; volknat@mail.ru

The article argues that library-bibliographic classification can be used as an objective heuristic basis for the systematization of the basic elements of the conceptual sphere of the Russian language. Its additions, which are necessary under the modern conditions, are connected with the conceptions “information”, “informational activity” and “system of values of modern society”. Using the classification in culturological studies allows securing the synthesis of everyday, scientific and bibliological knowledge.

Key words and phrases: heuristics; library-bibliographic classification; concept; conceptual sphere; bibliography; hermeneutics; linguo-culturology.

УДК 9; 94(4)

Исторические науки и археология

Статья посвящена проблеме рождения образа правителя в Каролингскую эпоху. Анализируя процесс возникновения образа государя в эпоху правления Карла Великого во Франкском королевстве, автор опирается на широкий круг нарративных источников: анналистику, «деяния» и письма, адресованные монархам. Акцентируется внимание на том, как той или иной источник влиял на утверждение в литературе «Каролингского Возрождения» христианского толкования власти, которое франкские интеллектуалы унаследовали со времен империи Константина Великого.

Ключевые слова и фразы: образ власти; образ правителя; Карл Великий; Каролингское Возрождение; Франкское королевство; Каролинги.

Гайворонский Игорь Дмитриевич

Санкт-Петербургский государственный университет
igorgaiv91@gmail.com

РОЖДЕНИЕ ОБРАЗА ВЛАСТИ В ЭПОХУ КАРЛА ВЕЛИКОГО[©]

Каролингская эпоха европейской истории (VIII-X вв.) не зря рассматривается как время формирования монархической этики Средневековья, позднее повлиявшей на идеологию рыцарства и духовенства [11, с. 86-161]. Именно в правление Карла Великого (768-814 гг.) начал складываться образ идеального государя, который, в общем и целом, просуществует до конца Средних веков [3, с. 610].

Каким образом каролингские авторы создавали портрет образцового властителя, на какую письменную традицию опирались и как на работу франкских книжников повлияли политические обстоятельства – предмет данной статьи. При разборе представлений о власти, сформировавшихся в правление Карла Великого, автор намерен использовать материал широкого круга повествовательных источников. В данный перечень войдут хроники того времени («Продолжатели Фредегара» и «Анналы Королевства франков») [13; 17] и «Деяния мецких епископов»

Павла Диакона [7]. Однако, признавая тот факт, что эпоха Карла Великого была достаточно бедна на нарративные источники (в отличие от последующих правлений), автор предлагает дополнить их сведения материалом писем Алкуина [12] – главного советника короля – и законодательных памятников [15; 16].

Сочинение Павла Диакона, написанное в 784 г. по заказу королевского архикапеллана Ангильрамна, было задумано как повествование о епископах Мецской кафедры [9, с. 38-39]. Однако по сути оно содержит историю Каролингской семьи, родством с двадцать восьмым епископом Меца Арнульфом тесно связанной с этой епископской кафедрой. Данная связь позволила А. И. Сидорову усмотреть в качестве одной из целей «Деяний» легитимацию новой династии [Там же, с. 59]. Ранее историки не уделяли этому памятнику достаточно внимания, указывая на его шаблонность и заказной характер [18].

В «Деяниях» генеалогическая легенда семьи Пипинидов-Каролингов начинается с рассказа о судьбе епископа Арнульфа, в котором объединились достоинства двух *ordo* (сословий) – «блестящее происхождение» франкской аристократии и «святость» духовенства [7, с. 290]. Однако самые ценные сведения, необходимые для понимания каролингской династической легенды, содержатся в рассказе не о жизни, а о смерти и наследстве Арнульфа: именно его младший сын Ансхиз (Асингиз или Ансегизи [6, с. 19]) становится отцом принадлежавшего к роду Каролингов Пипина II Геристальского [7, с. 292], майордома Франкского королевства на рубеже VII-VIII веков. Установив, таким образом, линию преемственности между благочестивыми епископами Меца и Каролингами, Павел Диакон привносит в историческую память этой знатной франкской фамилии христианскую, сакральную составляющую, ставя в один стройный ряд апостолов, мецских епископов и предков Карла Великого. Каролинги, явившись на политическую арену представителями одного из франкских родов, выходцами из германского в своей основе мира, способные, как и Меровинги, на проявления германского *furor*, становятся частью христианской корпорации, сакрального мира, в котором благочестивый епископ Арнульф и воинственный король Карл – персонажи одного христианского сообщества. Поэтому в «Деяниях мецских епископов» франкские воинские доблести начинают служить делу христианства: династия Каролингов превращается в труде Павла Диакона в христианнейшую, а ее представители – в подлинных христианских монархов, все силы бросающих на утверждение христианства в окрестных землях. Таким образом, несомненно, что «Деяния мецских епископов» стали пробным камнем в здании идеологии христианской империи, которая в те годы только начинает проступать в каролингских текстах.

Франкская анналистика с началом эпохи Каролингов приобретает династический характер, становясь на службу прославления правящего дома [2, с. 130; 5, с. 79; 14, р. 61; 23, р. 21]. Самыми первыми династическими хрониками Каролингской эпохи являются «Продолжатели Фредегара» (*Continuationes chronicarum quae dicuntur Fredegarii*) и «Анналы Королевства франков» (*Annales regni Francorum*). Даты создания «продолжения» Хроники Фредегара нам неизвестны; недавно Р. МакКитерик высказала точку зрения, согласно которой «Хроника продолжателей Фредегара» и «Малые Лоршские анналы» (краткая версия «Анналов Королевства франков») были составлены как раз на основе «Анналов Королевства франков», т.е. уже к концу правления Карла Великого [21, р. 100], а первые две части «Анналов Королевства франков», согласно авторитетному исследованию Б. Шольца, были написаны не ранее 787 г. [24, р. 5].

Задача легитимации новой династии, поставленная Карлом Великим перед анналистикой, диктовала авторам хроник необходимость расстановки акцентов в описании политической практики первых Каролингов, фокусировки внимания на проблемах, наиболее актуальных в момент становления Франкской державы. Такими проблемами во второй половине VIII века были: 1) обеспечение благоприятного положения на границах королевства, спровоцировавшее яркую военно-христианизаторскую эпопею царствования Карла Великого; 2) укрепление союза с Христианской Церковью.

Воинская составляющая деятельности первых Каролингов проявилась в анналистике наиболее ярко: уже Пипин III Короткий (751-768 гг.), согласно «Продолжателям Фредегара», сражается с лангобардами, защищая римского папу [17, S. 184], а также вступает в военный конфликт с герцогом Аквитании Вайфаром, притеснявшим Церковь в своих владениях [Ibidem, S. 189]. «Анналы Королевства франков» добавляют к военно-политической деятельности Пипина также пять лет войны с саксами [13, S. 18-26]. Однако неизвестно, был ли в действительности Пипин великим воителем: все хроники, повествующие о его правлении, написаны в царствование его сына Карла, и, скорее всего, Пипин Короткий был искусственно вписан анналистами в панораму военно-дипломатической эпопеи создания Франкской империи. В правление же его сына – Карла Великого – формируются четыре основных направления «внешней политики»: это войны с саксами (они упоминаются в 15 записях), взаимоотношения с арабами (сарацинами) и славянами (упомянуты в 9 записях), стычки с норманнами (данами), аварами (гуннами) и франко-византийская дипломатия (по 7 упоминаний под разными годами) [Ibidem, S. 28-137]. Прослеживается очевидная тенденция: наибольшее место в военно-дипломатической деятельности Карла занимает взаимодействие с *нехристианскими* народами, или, как в случае с Греческой империей, отошедшими от ортодоксального вероисповедания. Этот факт подтверждает обрисованную Анналами нацеленность политики Карла на расширение ареала распространения христианства.

Забота о благополучии Христианской Церкви и ее защита франкскими государями также занимают большое место в анналистике: это подразумевает как союз с Апостольским престолом, заключенный Пипином в 751 г. и обновленный в 796 г. Карлом Великим по отношению к папе Льву III, так и защиту Церкви в самом Франкском королевстве, например, от злодеяний уже упомянутого герцога Вайфара [13, S. 18; 17, S. 189]. Наиболее яркими деяниями Карла Великого в деле защиты единства Христианской Церкви Анналы преподносят борьбу монарха с ересью адоптианства [13, S. 91] и наказание покалечивших папу Льва злоумышленников, сопровождавшееся восстановлением величия понтифика в прежнем блеске [Ibidem, S. 104-107].

Именно такие акценты в анналистике спровоцировала бурная политическая реальность второй половины VIII века. Расставив их подобным образом, авторы анналов не прямо, но косвенно указали нам на тот, если не идеал монарха, то хотя бы перечень задач, которые предписывались монарху во второй половине VIII века. Концепция власти, родившаяся в тот период, включала две ипостаси монарха: а) христианский воитель; б) защитник Церкви и единства веры. В эту концепцию идеально вписывался Карл Великий, который и вдохновил ее появление своим ярким примером. Не только на поле брани, но и в мыслях каролингских интеллектуалов король франков находился на пути к созданию великой христианской империи, и сформулировать ее идеологические основы предстояло главному советнику Карла – диакону Алкуину (часто называвшему себя Флакком Альбином), оставившему, помимо множества сочинений на самые разные темы [4, с. 122-141], 312 писем [22, р. 7], 39 из которых были направлены разным монархам, в том числе 34 – Карлу Великому.

Если анналисты конца VIII века изобразили франкского монарха в первую очередь как христианского воителя, показали завоевательную поступь молодого христианства, внешний срез франкской истории, то Алкуин заострил внимание именно на внутренних делах христианской державы, мероприятиях, которые осуществлял Карл в пределах Франкского королевства, связанных с укреплением христианства на уже присоединенных территориях, защитой чистоты веры, правосудия, справедливости и христианского просвещения [12, S. 175-488]. Тем не менее, две ипостаси христианского государя также интересны Алкуину, поэтому у него идеальный монарх – это: 1) воин-христианизатор; 2) защитник Церкви, распространитель веры, законодатель и судья. Кто же является путеводной звездой для неутомимого исследователя античной мудрости Флакка Альбина? Несмотря на одобрение Алкуином обретения Карлом императорской короны в 800 г., это отнюдь не Октавиан Август и Великий Константин, а лучший из царей Ветхого завета – сладчайший Давид, и именно этим именем Алкуин навечно нарекает Карла Великого [Ibidem, S. 175-176]. Источником схемы построения образа монарха для Алкуина была библейская традиция, а живым примером, к которому она применялась, – победоносный Карл, своими победами внутри и за пределами Франкии спровоцировавший настоящий триумф христианской концепции власти в литературе конца VIII века. Алкуин же, первоклассно знавший древнюю литературу, не прельстился яркими образами античных правителей, предпочтя считать идеальным государем библейского Давида, современным воплощением которого являлся Карл Великий.

Концепция христианской империи и образ христианского монарха, внушенные Карлу Алкуином, прослеживаются в королевском законодательстве, то есть в документах, отражавших уже не каролингскую идеологию, а политическую практику. В двух самых известных капитуляриях Карла Великого – Саксонском 797 г. [16, S. 75-76] и Всеобщем (называемом также Аахенским) 802 г. [15, S. 90-96] – оказались отражены многие функции образцового христианского государя, уже встречавшиеся в предшествующих нарративных источниках: защитник Церкви, вдов, сирот и бедных, законодатель, судья и властитель, задачей которого является надзор за исполнением всеми без исключения подданными христианских норм.

Все вышесказанное позволяет подвести главный итог: в правление Карла Великого христианская составляющая в образе правителя стала преобладающей в литературе, несмотря на глубоко германские, «варварские» методы властвования первых Каролингов. Борьба франкских королей за утверждение христианства в романо-германском мире обусловила именно такой подход каролингских писателей. Для построения христианской концепции власти на франкской почве у авторов конца VIII века имелось богатое наследие в виде письменной традиции прошлых столетий; эта традиция сформировалась в трудах Евсевия Кесарийского (265-340 гг.) [19], Руфина Аквилейского (340-410 гг.) [8], Сократа Схоластика (380-450 гг.) [10] и других церковных историков, чьи идеи были весомо подкреплены идеями Августина Блаженного (354-430 гг.) о роли светской власти в деле водворения Града Божьего на земле [1]. Именно христианские авторы поздней Античности, вдохновленные образом Римской империи Константина Великого, сформулировали концепцию всемирной христианской империи. Позднее, несмотря на исчезновение империи в Западной Европе после 476 г., такие авторы как Григорий Турский (ок. 540 – ок. 594) попытались приспособить эту идею к реалиям «варварских» королевств [20].

Однако вобравшая в себя многие народы христианская империя, утраченная на Западе с падением Рима, вновь возродилась уже в виде обширной монархии Карла Великого. Это стало своеобразным «восстановлением» политической почвы для идеи угодной Богу христианской империи, за оформление которой принялись теперь уже каролингские авторы. Вдохновленные деяниями Карла Великого, они приспособили сформировавшуюся в эпоху первых побед христианства концепцию власти к реалиям рубежа VIII-IX столетий.

Список литературы

1. **Блаженный Августин.** Творения / сост. и подгот. текста к печати С. И. Еремеева. СПб.: Алетей; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. Т. 4. О граде Божием. Кн. XIV-XXII. 590 с.
2. **Вайнштейн О. Л.** Западноевропейская средневековая историография. М. – Л.: Наука, 1964. 484 с.
3. **Гайворонский И. Д.** К вопросу об образах власти в эпоху «каролингского ренессанса» // Молодой ученый. 2013. № 6 (53). С. 608-612.
4. **Гизо Ф.** История цивилизации во Франции: в 4-х т. / пер. с фр. П. Г. Виноградова. М.: Рубежи XXI, 2006. Т. II. Лекции XVI-XXX. 320 с.
5. **Люблинская А. Д.** Источниковедение истории Средних веков. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1955. 374 с.
6. **Мюссо-Гулар Р.** Карл Великий / пер. с фр. Е. В. Морозовой. М.: Весь мир, 2003. 176 с.
7. **Павел Диакон.** Деяния мецских епископов // Сидоров А. И. Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. СПб.: Гуманитарная академия, 2006. С. 283-303.

8. Руфин. Церковная история // Тюленев В. М. Рождение латинской христианской историографии. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2005. С. 230-284.
9. Сидоров А. И. Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. СПб.: Гуманитарная академия, 2006. 352 с.
10. Сократ Схоластик. Церковная история. М.: РОССПЭН, 1996. 368 с.
11. Флори Ж. Идеология меча / пер. с фр. М. Ю. Некрасова. СПб.: Евразия, 1999. 320 с.
12. Alcuini sive Albini epistolae // MGH. Epistolae Karolini aevi / recensvit E. Dvemmmler; edidit societas aperiendis fontibus rerum Germanicarum Medii Aevi. Berolinus: Apud Weidmannos, 1895. T. 2. S. 1-488.
13. Annales regni Francorum inde a. 741 usque ad 829, qui dicuntur Annales Laurissenses maiorea et Eihardi // MGH. Scriptores rerum Germanicarum separatim editi. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1895. S. 1-178.
14. Bemont C. Annals // The Encyclopaedia Britannica: a Dictionary of Arts, Sciences, Literature and General Information. Cambridge: Cambridge University Press, 1911. Vol. 2. Andros to Austria.
15. Capitulare Aquisgranense A. 802 // MGH. Capitularia regum Francorum. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1883. T. 1. S. 90-96.
16. Capitulare Saxonicum // MGH. Capitularia regum Francorum. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1883. T. 1. S. 75-76.
17. Continuationes chronicarum quae dicuntur Fredegarii // Scriptores rerum Germanicarum separatim editi. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1888. T. 2. S. 168-193.
18. Duchesne L. Fastes episcopaux de l'Ancienne Gaule. Fontemoing, 1915. T. 3. 544 p.
19. Eusebius of Caesarea. Historia ecclesiastica [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/> (дата обращения: 20.02.2015).
20. Gregorius Turonensis. Historiarum Francorum libri X [Электронный ресурс] / ed. B. Krusch. URL: http://www.hs-augsburg.de/~Harsch/Chronologia/Lspost06/Gregorius/gre_hi00.html (дата обращения: 20.02.2015).
21. McKitterick R. Charlemagne: The Formation of a European Identity. N. Y.: Cambridge University Press, 2008. 476 p.
22. Page R. B. The Letters of Alcuin. N. Y.: The Forest Press, 1909. 106 p.
23. Prou M. Annales // La Grande Encyclopedie inventaire raisonne des sciences, des letters et des arts par une societe de savants et de gens de lettres. P.: H. Lamirault et Cie, 1885. T. 3. Animisme – Arthur.
24. Scholz B. Carolingian Chronicles: Royal Frankish Annals and Nithard's Histories. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1972. 248 p.

POWER IMAGE ORIGIN IN THE TIME OF CHARLES THE GREAT

Gaivoronskii Igor' Dmitrievich
Saint-Petersburg State University
igorgaiv91@gmail.com

The article is devoted to the issue of the origin of the ruler's image in the Carolingian era. Analyzing the process of the appearance of the image of the sovereign under Charles the Great's rule in the Frankish Kingdom the author bases upon a broad range of narrative sources: annals, "deeds" and letters addressed to monarchs. Attention is focused on how this or that source influenced the consolidation in the literature of the "Carolingian Renaissance" of the Christian interpretation of power, which the Frankish intellectuals inherited from the time of the empire of Constantine the Great.

Key words and phrases: power image; image of ruler; Charles the Great; the Carolingian Renaissance; the Frankish Kingdom; the Carolingians.

УДК 343.3

Юридические науки

В настоящей статье анализируется статус стажера следователя и дознавателя как субъекта преступлений против правосудия. С позиции уголовно-правовой доктрины обосновывается тезис об отсутствии у стажера следователя и дознавателя необходимых признаков специального субъекта при совершении преступления против правосудия. Изучаются ведомственные нормативные правовые акты о правовом статусе стажера следователя и помощника следователя.

Ключевые слова и фразы: стажер следователя и дознавателя; общественный помощник следователя; уголовная ответственность; специальный субъект; предварительное расследование; преступления против правосудия.

Гарипов Тимур Ильгизович

Казанский юридический институт МВД Российской Федерации
chipmunk.gti@gmail.com

СТАЖЕР СЛЕДОВАТЕЛЯ КАК СПЕЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ[©]

Вопрос о понятии специального субъекта преступления до сих пор обсуждается в рамках уголовно-правовой науки. Вместе с тем доктриной уголовного права выработано достаточно значимых признаков для определения